

УДК 821'01(37)

**СТИХОТВОРЕНИЯ КАТУЛЛА «НА СМЕРТЬ ВОРОБУШКА ЛЕСБИИ»
И ОВИДИЯ «НА СМЕРТЬ ПОПУГАЯ КОРИННЫ»:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ****В.Д. ГРИГОРЬЕВА***(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н.В. НЕСТЕР)*

Рассматриваются стихотворения Катуллы, посвященное воробью возлюбленной поэта Лесбии, и Овидия, посвященное попугаю Коринны. Отмечаются общие и особенные черты в произведениях римских поэтов.

М. Гаспаров отмечает, что «Катулл – любимец читателей нового времени. На это звание он может претендовать больше, чем любой другой античный лирик. Катулл вошел в сознание нового времени как открователь романтической, духовной любви, впервые нашедший слова для этой, казалось бы, врожденной человеческой потребности. Только этим он и был интересен. Его любовный роман с вероломной светской красавицей Лесбией восстанавливался из стихотворных осколков и обсуждался до мельчайших психологических подробностей» [1, с. 66–67].

Лесбия упоминается по имени в тринадцати стихотворениях Катуллы. Одним из таких произведений является «На смерть воробушка Лесбии» (№ 3). Оно состоит из восемнадцати кратких строк, написанных фалекийским одиннадцатисложником, которые являются пародией на поминальный плач и надгробную речь. Катулл изображает смерть птенчика своей возлюбленной, внося сетования на краткость и несправедливость жизни столь прекрасного питомца любимой девушки поэта:

А теперь он идет тропой туманной
В край ужасный, откуда нет возврата. [2, с. 21]

Катулл умело использует различные художественные средства с целью отражения искренних чувств и отношения к Лесбии посредством случившегося несчастья. Наличие уменьшительно-ласкательных существительных (таких как «птенчик», «подружка», «дочурка», «воробушек», «глазки») является одной из составляющих представлений нежности и в то же время олицетворения невинности. Употребление повторов усиливает волнение, сопровождающее выражение печального чувства, доведенного до высшего напряжения. Призыв к причитанию явно прослеживается в отдельных строках стихотворения:

Плачь, Венера, и вы, Утехи, плачьте!
Плачьте все, кто имеет в сердце нежность! [2, с. 21]

Большое внимание уделяется фигуре возлюбленной Катуллы, предстающей перед нами наилучшей хозяйкой для своего питомца. Поэт неслучайно использует образ матери и дочери, чтобы показать нерушимую связь между ними и невозможность разрыва:

Слаще меда он был и знал хозяйку,
Как родимую мать дочурка знает. [2, с. 21]

Подобный анализ стихотворения дает материал для более глубокого изучения роли образа птицы в данном произведении.

Вообще, в своем творчестве Катулл упоминает о воробье дважды (№ 2, № 3). В стихотворении № 2 поэт насыщенно описывает забавы девушки со своим питомцем, когда он был жив:

К груди тебя, прижав, она ласкает,
Дразнит пальчиком, шутя, с тобой играет
Твоим кусам отдается со всей силой... [2, с. 20]

В стихотворении № 3 оповещается о горе молодой Лесбии, скорбящей о прекрасном птенчике, которого безжалостно забрало царство мертвых:

Будь же проклята ты, обитель ночи,
Орк, прекрасное все губящий жадно!
Ты воробушка чудного похитил! [2, с. 21]

Далее следует перейти к толкованию образа птицы в двух данных стихотворениях с мифологической точки зрения. Необходимо помнить, что в античности мифология являлась традиционным осмыслением мира и тем самым издавна поставляла писателям неиссякаемый материал для бесчисленных произведений. В данном случае следует пристально рассмотреть отдельные фрагменты древнеримской культуры.

В соответствии с мифологическими представлениями древних римлян, воробьи наряду с голубками составляли свиту Венеры²⁷ (греч. Афродиты). Привлечение мифологической стороны в рассмотрении главной идеи стихотворения дает почву для иного толкования образа птицы Венеры. Не исключено, что воробей у Катулла был символом его любви к Лесбии. В стихотворении № 2 присутствует описание питомца милой девушки в процессе оживленных забав со своей хозяйкой, которое олицетворяется с красочной игрой чувств между двумя возлюбленными. В стихотворении № 3 поэт, преисполненный горьким чувством, изображает несправедливую, на его взгляд, смерть птенчика, отождествленной с угасанием любви между Катуллом и Лесбией.

В соответствии со всем сказанным выше, необходимо отметить, что в стихотворении «На смерть воробушка Лесбии» поэт сумел мастерски совместить пародию на поминальный плач и завуалировано отразить любовные чувства и их развитие.

Однако Катулл был не единственным, кто сумел создать такое произведение. Очень часто наравне со стихотворением «На смерть воробушка Лесбии» упоминается элегия не менее известного античного поэта Овидия.

В отличие от Катулла, Овидий создал элегию в 62 стиха. Благодаря вниманию к деталям, поэт почти полностью раскрыл тему пародирования поминальных плачей. Строки Овидия целиком наполнены гиперболическими ламентациями, которые с особой точностью определяют эмоциональную ориентацию стихотворения:

В грудь, благочестья полны, пернатые, крыльями бейте,
Щечки царапайте в кровь твердым кривым коготком!
Перья взъерошьте свои; как волосы, в горе их рвите. [4, с. 45]

Стихотворение Овидия отличается отнюдь не чувственной передачей печального настроения Коринны, а доскональным описанием всех превосходств пернатого над другими существами. Абсолютно каждая строчка этой элегии определенным способом передает все лучшие качества, которые только смогла вобрать в себя такая крошечная птица:

Перьями крыльев затмить ты хрупкие мог изумруды,
Клюва пунцового цвет желтый шафран оттенял.
Не было птицы нигде, чтобы голосу так подражала.
Как ты, слова говоря, славно картавить умел!
Завистью сгублен ты был, – ты спор затевать не пытался.
Был от природы болтлив, мир безмятежный любил... [4, с. 46]

Поэт подбирает нужные слова для создания идеального образа попугая, у которого так незаслуженно была отнята драгоценная жизнь:

Жадные руки судьбы наилучшее часто уносят,
Худшее в мире всегда полностью жизнь проживет. [4, с. 46]

Если опираться на данный анализ, то следует сделать вывод, что главной темой стихотворения Овидия является не воспевание сердечных чувств, а смерть попугая его возлюбленной. Поэт искусно изложил этот элегический мотив благодаря неистощимой изобретательности. Он же прибегнул к наполнению своего стихотворения всевозможными мифологическими образами:

---

²⁷ «В римской мифологии богиня садов, имя ее употреблялось как синоним плодов. Первоначально персонификация абстрактного понятия «милость богов» (venia). С распространением предания об Энее Венера, почитавшаяся в некоторых городах Италии как Фрутис, была отождествлена с матерью Энея Афродитой, став не только богиней красоты и любви, но и прародительницей потомков Энея и покровительницей римлян». «У писателей Венера – прежде всего богиня любовной страсти, мать Амура» [5, с. 121].

Что, Филомела²⁸, пенять на злодейство фракийца-тирана? –
Много уж лет утекло, жалобе смолкнуть пора.
Лучше горюй и стенай о кончине столь редкостной птицы! [4, с. 45]

Образ молодой гречанки, столкнувшейся с произволом жесткого тирана, и боль которой не утихает ни на минуту, является особенным приемом Овидия. Поэт искусно использует его для острого сравнения совершенного преступления и смерти маленькой птицы. Горе бедной девушки, пострадавшей от зверства ее мучителя, не сравнится с тем горем, которое случилось с «наипрекраснейшим» попугаем Коринны. Овидий призывает забыть Филомелу о своем отчаянии и стенать о кончине столь великолепного птенчика, давая понять, что жизнь мелкого существа стоит выше жизни человека.

Рядом вы прожили жизнь в неизменном взаимном согласье,
Ваша осталась по гроб долгая верность крепка.
Чем молодой был фокидец Пилад²⁹ для аргосца Ореста,
Тем же была, попугай, горлинка в жизни твоей. [4, с. 45–46]

Введение поэтом данного мифологического персонажа является ключевым для обозначения роли любимого питомца в жизни возлюбленной Овидия. Дружба между ними идеализирована и построена на крепкой верности, так же, как и дружба Пилада и Ореста. В данных строках приводится весьма удачное сравнение единства двух воинов и единства пернатого с Коринной. Пилад является воплощением большой преданности своему побратиму, оказывая Оресту всевозможную помощь и отстаивая его честь. Этот союз, в котором царит взаимное согласие и искренность, отождествляется с крепкой связью между попугаем и девушкой. Поэт в насмешливой форме описывает всю ту дружескую любовь между птенчиком и его хозяйкой настолько возвышенной, что наравне с ней ставится и дружба двух героев, проверенная временем и доблестными поступками/

Жадные руки судьбы наилучшее часто уносят,
Худшее в мире всегда полностью жизнь проживет.
Видел презренный Терсит³⁰ погребальный костер Филакийца³¹;
Пеплом стал Гектор-герой³² – братья остались в живых... [4, с. 46]

Приведенные Овидием аналогии в вышеуказанных строках элегии представляют собой единый образ, построенный на яркой антитезе мифологических фигур. Ненавистный всеми Терсит, являющийся

²⁸ «Филомела – в греческой мифологии дочь афинского царя Пандиона; была обесчещена мужем своей сестры Прокны Тереем; у нее был вырван язык, чтобы она не могла рассказать о его бесчестном поступке. Но Филомела поведала об этом своей сестре с помощью вышивки. Обе решили отомстить Терею и, убив сына Терее и Прокны Итиса, накормили его мясом Терее. Спасаясь от преследования Терее, Ф. была превращена в ласточку, Прокна - в соловья (или же наоборот), а Терей в удода или ястреба...» [6, с. 608].

²⁹ «Пилад – в греческой мифологии сын Строфия, царя Фокиды, в доме которого воспитывался спасенный после убийства Агамемнона его малолетний сын Орест. В афинской трагедии 5 в. до н.э. Пилад неизменно выступает как верный друг Ореста, поддерживающий его и в момент совершения мести над убийцами его отца, и в выпадавших затем на долю Ореста испытаниях. Особенно значительна его роль в трагедиях Еврипида «Ифигения в Тавриде» (здесь Пилад готов пожертвовать своей жизнью ради спасения Ореста) и «Орест» (где Пилад приходит на помощь другу, осужденному гражданами Аргоса на смерть за убийство родной матери). «Имя Пилада в сочетании с именем Ореста стало символом верной и преданной дружбы» [5, с. 441].

³⁰ «Терсит, незнатный воин, участвующий в Троянской войне на стороне ахейцев, враг Ахилла и Одиссея». «Илида» изображает Терсита безобразным, горбатым, хромоногим, косым, лысым, болтливым» [5, с. 537].

³¹ «Протесилай, в греческой мифологии сын царя фессалийского города Филаки Ификла. Будучи в прошлом одним из женихов Елены, Протесилай принял участие в Троянской войне, выступив против Трои во главе ополчения на 40 кораблях. Несмотря на предсказание, что первый ахеец, высадившийся на берег Трои, погибнет, Протесилай первым соскочил с корабля и был убит Гектором. Согласно одной из версии мифа, Протесилай в связи со сборами не успел даже принести положенные жертвы Афродите, и ее гневом источники иногда объясняют гибель Протесилая» [5, с. 452]

³² «Гектор, в греческой мифологии сын Приама и Гекубы, главный троянский герой в «Илиаде». «Прославился Гектор на десятом году войны. Как старший сын Приама и его непосредственный преемник, он возглавлял боевые действия троянцев, сам отличаясь силой и героизмом. Дважды Гектор вступает в единоборство с Аяксом Теламонидом, наиболее могучим после Ахилла ахейским героем». «Только относительно поздно образ Гектора был включен в круг сказаний о Троянской войне, в которых Гектор больше, чем какой-либо другой герой олицетворяет идею патриотического долга» [5, с. 144].

самым злым из греческих героев, противопоставляется воинственному Протесилаю, оказавшимся весьма смелым для совершения первого шага на вражескую землю. К числу неустрашимого филикийца поэт добавляет еще одного мужественного воина, Гектора, отличившегося своей отвагой и проявившего себя на поле боя. Детальное изучение представленных образов дает основание для проведения определенных параллелей.

Овидий отождествляет жалкого Терсита с тем самым худшим в мире, что имеет возможность прожить долгую, по мнению поэта, незаслуженную жизнь. Храбрые герои Протесилай и Гектор, как и любимый питомец Коринны, поддаются возвышению над всем ничтожным, что их окружает, но судьба им сулит скорую смерть. Поэт сетует на несправедливость, результатом которой является кончина наилучшей из всех существующих птиц на земле:

Что вспоминать, как богов за тебя умоляла хозяйка
В страхе? Неистовый Нот³³ в море моленья унес... [4, с. 46]

Включение данного образа в строки элегии передает всю важность кончины любимца его возлюбленной, описываемую Овидием. Скорбящая девушка настолько впала в отчаяние, что посмела обратиться к величественному Ноту с просьбами о воскрешении своего питомца. Ведь очень часто боги становятся защитниками выдающихся героев, спасая им жизни и помогая в битвах с врагами. Рассчитывая на помощь божества, Овидий ненавязчиво ставит рядом никчемную пташку со всемогущим человеком, делая уклон на бесценность жизни первого по сравнению с обычными людьми:

День седьмой наступил, за собой не привел он восьмого, –
Прялка пуста, и сучить нечего Парке³⁴ твоей. [4, с. 46]

Овидий упоминает одну из трех богинь, Нону. Именно она стоит у источника зарождения жизни, передавая дивную нить другой Парке. Завершается весь этот круговорот в руках Морти, которая властна над человеческим веком и способна в один миг оборвать его существование. Именно это и произошло с прекрасным попугаем, закончившим свои замечательные дни на горе своей хозяйке. Поэт пеняет на несправедливость, определившую кончину бедного птенчика, которая уже больше никогда не явится сияющей нитью в прялке Ноны, богини судьбы.

Чистые лебеди там на широких пасутся просторах,
Феникс³⁵, в мире один, там же, бессмертный, живет;
Там распускает свой хвост и пышная птица Юноны³⁶;
Страстный целуется там голубь с голубкой своей. [4, с. 46]

Наравне с другими прекрасными богинями, Юнона имела свои собственные отличительные атрибуты. В элегии речь идет о пышной птице, отождествляющейся с блистательным павлином, который затмевает всех своим роскошным оперением.

Поэт прибегает к развернутому перечислению крылатых существ, обитающих в том загробном мире, куда попал и попугай Коринны. Овидий описывает это место очень оживленно и гармонично путем введения образов птиц, населяющих это уютное пристанище. Питомец его возлюбленной оказыва-

³³ «Нот, в древнегреческой мифологии божество южного ветра, сын Астрея и Эос. Брат Борей, Зефира, Эвра. Изображается обычно с бородой и крыльями. Он приносит с собой влажный туман и именуется «быстрым» [5, с. 404].

³⁴ «Парки, в римской мифологии богини судьбы. Видимо, первоначальным было представление об одной Парке – богине рождения сходной с Карментой. Затем из эпитетов Карменты возникли три Парки, носившие имена Нона, Децима (покровительствующая рождению ребенка на девятом или десятом месяце), Морта (от *mors*, «смерть»). Утроение Парки обусловило их отождествление с греческими мойрами, прядущими и обрезающими нить жизни» [5, с. 430].

³⁵ Необходимо упомянуть, что «Феникс, в греческой мифологии волшебная птица». «Феникс живет 500 лет (варианты: 1460 или 12 954 года), имеет вид орла и великолепную окраску красно-золотых и огненных тонов. Предвидя свой конец, Феникс сжигает себя в гнезде, полном ароматических трав, но здесь же из пепла рождается новый Феникс. По другой версии, Феникс умирает, вдыхая ароматы трав, но из его семени рождается новая птица, которая переносит тело своего отца в Египет, где жрецы солнца его сжигают» [5, с. 571].

³⁶ «Юнона, в римской мифологии богиня брака и рождения, семьи и семейных постановлений, материнства, женщин и женской производительной силы» [5, с. 646].

ется среди чистых и добродетельных существ, которым неведомо земное зло и испорченность. Пернатый сумел оказаться в блаженном краю, в который иногда многим замечательным людям закрыт вход.

Отдельное использование яркого образа Феникса определенно имеет свою цель. В метафорическом истолковании это существо – символ вечного обновления, бессмертия. Возможно, в понимании Овидия, маленький попугай был лишен земного бытия, но заполучил шанс на лучшую жизнь в райском уголке. Поэт питает надежду на то, что когда-нибудь душа этого славного птенчика явится в другом облике в этот мир, чтобы вновь радовать своей красотой и своим пением милую Коринну.

Необходимо резюмировать всю выше изложенную информацию, чтобы прийти к логическому заключению. Элегия Овидия написана по образцу знаменитого стихотворения Катулла «На смерть воробушка Лесбии». У Катулла это был маленький стих в восемнадцать коротких строк, а у Овидия получилась элегия в шестьдесят два стиха. У Катулла большая часть стихотворения посвящена возлюбленной поэта, которая играла с воробушком, пока он был жив, и оплакивала его, когда он умер. У Овидия же фигуре самой хозяйки попугая уделяется меньше внимания, зато с красочными подробностями описывается погребальное шествие рыдающих птиц в начале стихотворения и птичий рай, угощенный пожившему, в конце стихотворения. Элегия «На смерть воробушка Лесбии» написана в шутивно-ласковой форме, в то время как элегия Овидия обладает явными чертами острой иронии.

Катулл был противоположен Овидию. Этот поэт вкладывал великие труды, чтобы к каждому месту подобрать свое особенное слово, целиком и без пояснений выражающее нужную мысль. Овидий же отличался от Катулла в этом. Он с легким сердцем берет для своей мысли первое попавшееся слово, потому что знает – для каждого слова можно построить такой контекст, в котором это слово получит то значение, которое ему нужно. Каждая возникающая ассоциация разработана им до предела, теряя под конец всякую связь с поводом, ее породившим. Овидий создал оригинальное произведение, впитавшее себя неповторимый склад его таланта и всю его творческую манеру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров, М. Об античной поэзии / М. Гаспаров. – СПб. : Азбука, 2000. – 478 с.
2. Катулл, Тибулл. Проперций / Тибулл Катулл. – М. : Худ. лит-ра, 1983. – 511 с.
3. Публий Овидий Назон. Элегии и малые поэмы / Публий Овидий Назон. – М. : Худ. лит-ра, 1973. – 528 с.
4. Овидий. Собрание сочинений / Овидий. – Т. 1. – СПб. : Студия Биографика, 1973. – 511 с.
5. Мифология. Энциклопедия / гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М. : Большая Рос. энцикл., 2003. – 736 с.
6. Ирмшер, Й. Словарь античности : пер. с нем. / Й. Ирмшер, Р. Йоне. – М. : Прогресс, 1989. – 704 с.